ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 43 (215) 11 ОКТЯБРЯ 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1-я страница
Передовая — Встретим пятнадцатый!
Вл. Ст — Местам — внимание и помощь
2-я страница
Г. Мунблит — В новых рассказах И. Бабеля
А. Орлов — О праве на внимание
Трибуна писателя: А. Фадеев — Старое и новое
3-я страница
Мих. Цехлин — Разоблаченный подвиг
Б. Лавин — Происхождение повести, Приверская улица
П. Скосырев — Проходимцы
4-я страница
Из литературного прошлого — Письмо Валерия Брюсова
С. Ромов — Две картины

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: З. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Шагинского, М. Серебрянского, Е. Усиевич

ВСТРЕТИМ ПЯТНАДЦАТЫЙ!

Вчера был пущен Днепрогэс — гигантское создание ленинского плана электрификации. Ударники, герои Днепростроя завершили строительство досрочным пуском гиганта электрификации, не имеющего себя равного в мире. «Три дня, Днепр работает на социализм», — рапортует треугольник Днепрогэса. Несокрушимая вера в победу коммунистического строительства растет и крепнет. Магнитострой, Кузнецк, Днепрогэс, сотни новых ударных строек, большевистские темпы роста тяжелой индустрии, успехи социалистического сельского хозяйства и культурной революции, достигнутые рабочим классом Советского союза под руководством коммунистической партии и его ленинского ЦК во главе с т. Сталиным, воодушевляют борцов за дело Ленина.

Советское искусство, советская литература черпают живительную силу для своих художественных произведений в этих «простых, будничных делах» коммунистического строительства. Практическая деятельность новых людей, изменяющих и очищающих старый мир — вот что вдохновляет и крупного мастера советского художественного слова, и ударника, призванного в литературу.

И только на этом пути советская литература вправе ожидать блестящих побед, ибо в упорной творческой работе и борьбе за правдивое отображение великих событий и дел пролетариата будут созданы Магнитострои, Днепростроя литературы.

Сотни писателей РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии и других национальных республик Союза едут работу на овладение новыми проблемами, темами, стилевыми жанрами, для новых образцов художественной литературы, не имеющих себя подобных в литературе прошлого и тем более в искусстве загнивающего капитализма Запада.

Советский читатель, революционный читатель Запада именно так оценили и приветствовали такие произведения. Именно эти произведения бьют в лоб классового врага в литературе и его правооппортунистических глашатаев. И теперь больше, чем когда бы то ни было, зоркость и бдительность нашу надо направить на конкретную критику произведений советских писателей, ибо оно есть то настоящее звено, за которое надо теперь ухватиться.

Усиливая борьбу с классовым врагом в литературе и ко всяческим проявлениям примиренчества и либерализма, нам необходимо уделить побольше внимания и вдумчивости к запросам и нуждам советского писателя, побольше чутья и отзывчивости к чувству пролетарского классового достоинства советского писателя.

Приближается пятнадцатая годовщина Октябрьской революции. Советская литература на под'ем новых достижений осматривает свой путь классовой борьбы и замечательных побед. Ее победы неотделимы от побед всех отраслей хозяйства и культуры СССР. Творческие должны быть связь с партийными, профессиональными и советскими организациями в деле подготовки и активного участия в празднении Октябрьской годовщины. Существующие писательские организации, литкружки на заводах, стройках, совхозах и колхозах, наши издательства в эту работу должны немедленно включиться. Художественное оформление советских улиц не должно обойтись без активного содействия советов и делом со стороны писателя. Советский писатель обязан заботиться о репертуарном материале октябрьских дней, о литературном материале высокого качества для рабочих вечеров. Общественные [illegible] должны помочь и одновременно взять под контроль работу издательств с тем, чтобы обещанная советскому читателю литература к октябрьским дням была выпущена. Разгоняющая деятельность писателя требует острого, планового учета и расчленения сил. Гигантов — это творческое участие писателя.

Лучший подарок к годовщине — это выпуск новых десятков произведений наших советских писателей, это создание произведений, достойных великого Октября.

Необходимо по-настоящему взяться за работу. Советская литература должна демонстрировать к 15-летию Октября свой рост, свою творческую силу, свою неразрывную связь с мировым Октябрем.

МЕСТАМ — ВНИМАНИЕ И ПОМОЩЬ

Третьего дня получили письмо. Из Верхнеудинска. Корреспондент ставит Москву в известность, что «постановление ЦК партии от 23 апреля в Бурято-Монгольской АССР в жизнь не проводится. Как еще существует БурАПП. С 1 апреля ни одного собрания. Ударникам, призванным в литературу, никакой помощи. Литературная жизнь совсем застыла. В Бурятии сейчас не остается ни одного кружка — все литкружки распались».

Звучит это очень сильно (случай позлорадствовать некоторым прорех), но сильно именно потому, что «чрезвычайный» факт — целиком от исключения. Сильно именно потому, что вместе с письмом из Верхнеудинска мы получили (и получаем) десятки писем из других мест Союза, в эти письма говорят о небывалой активности, под'еме и оживлении, вызванных двадцать третьим апреля.

Нет нужды приводить здесь сообщения о возникновении новых литературных кружков на предприятиях Урала, Сибири, Донбасса, Криворожья (не говоря уже о больших культурных центрах), о творческом оживлении тех литературных организаций, работа которых до апрельского постановления ЦК шла по линии затухания, о выдвижении новых способных и обещающих писательских сил, о творческих вечерах, о чтениях, о новых литературных консультациях и кабинетах литературной учебы. Бурлит рост литературной продукции квалифицированных советских писателей, работающих преимущественно в столичных центрах, рост, который уже в 1932 году обещает обогатить советскую литературу тремя или даже четырьмя десятками значительных произведений — это только часть общего творческого потока, захватывающего своим течением даже отдаленные, даже «глухие» места нашего Союза. Если в прошлом 1931 году литературное движение Урала дало лишь 7-8 книг начинающих авторов, то к нынешнему году уральская библиография уже насчитывает свыше 30 вышедших и выходящих книг. Если до апрельского постановления ЦК индустриальный Донбасс пробавлялся тонким журнальчиком в два десятка страниц («Забой»), то сегодня он начинает выпускать свой первый «толстый» ежемесячник в 9-10 печ. листов. Движение начинает бить все новыми и новыми родниками. Прибавляются силы, формируется молодой писатель. Литературное дело действительно становится «частью» общепролетарского дела».

Дом отдыха писателей «Долгая Поляна» (на Волге)

И когда мы перечисляем эти наиболее значительные произведения этого года, мы говорим о них как о вехах, рожденных единым большим непрерывным «производственным потоком», как о вехах, вошедших (или сходящих) с ленты этого огромного и замечательного конвейера.

Апрель основательно растопил ледяные заторы. И хотя в Ленинграде — только ли в Ленинграде? — кое-кто продолжает говорить о «творческой засухе», продолжая «литературный подсчет», свидетельствуя еще не были так населением заторма писательских заготовок, никогда еще не было столько начальников, дерзаний, попыток, планов, замыслов, опытов. Знаменательный факт. Он лежит рядом с этой статьей. В редакцию «Литературной газеты» пишется еще не приходило столько писем, сколько приходит в эти месяцы. Из Барнаула и Свердловска, Ташкента и Вологды, Орехова-Зуева и Дзержинска, Горловки и Алдановска, Харькова и Владивостока. Даже с Сахалина. Писем о литкружках и новых сборниках, о литературной учебе и творческом совершенствовании, о нехватке учебников и пособий, о низкорентности книжных тиражей. Писем со стихами или рассказами начинающих, с отзывами на выступления квалифицированных писателей в «Трибуне». Писем, передающих опыт и просящих помощи. Писем с длинными перечнями вопросов (как организовать, как наладить?) и просьбами пересылать в консультацию. Писем — требовательных в настойчивых, приязных и разобщающих. Писем бичующих халтуру и требующих повышения требований к новым малышам. Писем — часто противоречивых, писем, в противоречиях которых иногда трудно разобраться, но противоречивость которых рисует огромное полотно борьбы за литературу, за участие в литературе, за участие в создании литературы.

Апрель сделал половодье. И чем ближе к зиме, тем шире и стремительнее поток и тем меньше условий для «ледостава». «Льда» в этом году не будет — это очевидно. И замороженных не будет, и не будет отлеживающихся на «печи».

Но...

Здесь в самом казалось бы неподходящем месте следует решительное и категорическое «но». Чем благоприятнее и благодарнее творческая «конъюнктура», тем ярче и рельефнее проступают признаки некоторых нежелательных явлений. Приведенное выше письмо из Верхнеудинска говорит о вещах, резко диссонирующих всему сегодняшнему «мастроению», но тем не менее с вещах далеко не случайного порядка. Письмо из Верхнеудинска звучит довольно громко. Оно говорит прежде всего о том, что нами еще не создана такая обстановка, не созданы такие условия, при которых апрельское постановление ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций давало бы на всех районах Союза наибольший действенный эффект. Письмо из Верхнеудинска говорит о том, что, несмотря на значительные и совершенно очевидные достижения, мы еще не избавились такой постановки работы, при которой сама возможность подобных фактов (на счастье единственного в своем роде факта) была бы совершенно исключена. И мы не стали бы говорить по этому поводу, если бы к верхнеудинскому письму не прибавились корреспонденции из других мест Союза, корреспонденции, заставляющие еще раз и еще более решительно поставить в порядок дня вопрос о руководстве местами, о связи с местами, об укреплении местных литературных организаций, о политическом и организационном укреплении их работы.

Как у нас со связью с местами? Как с руководством местами?

На эти вопросы следовало бы дать точный и определенный ответ. Следовало бы точно выяснить положение, чтобы можно было найти все слабые стороны работы, чтобы можно было по ходу угадывать и лечить больные места (вопросы руководства местными литературными организациями и укрепления этих литературных организаций — вопросы, требующие пристального разрешения таких вопросов, как, например, учет: дело это большое и сложное и обсуждение его — не тема настоящей статьи). Оргкомитету союза советских писателей РСФСР нельзя простить в упрек увлечение московскими делами в ущерб периферии. Ознакомление местных организаций с основными решениями руководящего центра, помощь вновь создающимся оргкомитетам из мастов, выезд ряда московских товарищей на места, более или менее систематическая живая связь с литкружками и целыми литоб'единениями, разработка в центре мероприятий, направленных к улучшению культурных и материально-бытовых условий писателей и литкружковцев, живущих за пределами Москвы, разработка учебных программ для литкружков, создание литературного кабинета, обеспечивающего консультационную помощь начинающему автору, — все это, несомненно, в жизни оргкомитета РСФСР, в всему этому нужно отдать должное.

Но оргкомитет еще не исчерпал свои возможности.

И потому, что возможности еще не исчерпаны, потому, что в арсенале оргкомитета еще есть неиспользованные средства, — в местных литорганизациях, иногда даже в областных и республиканских центрах, имеет место явления отрицательного свойства. Товарищ А. в своей корреспонденции из Минска сообщает, что до сих пор нет сколько-нибудь заметного перелома в работе с ударниками, призванными в литературу. Ни оргкомитет, ни профсоюзные организации не принимают сколько-нибудь решительных мер к собиранию распылившихся в свое время сил. В результате даже те кружки, которые уцелели от прошлых скоропалительных времен, готовы развалиться. Смоленские литударники В. Тарабанов и В. Нырыков пишут, что в Западной области работа ведется по-старинке, что литературное движение отрицательно двадцатью рабочкорами областной и районных газет, что совершенно забыты ударники-призывники. А призывников ударников в области зачисляется не меньше 120 человек. В Севастополе первое заседание оргкомитета решили обязать лишь 17 сентября. Только решили, не не созвали, потому что на заседание пришло два человека. Председатель оргкомитета Галайба разослал за своей подписью всем членам комитета повестки и в повестках пригрозил, что сообщит фамилии неявившихся партийцам. Этот своеобразный метод активизации не помог. Видимо, не изошлся на оповещение и сам председатель. И все это — несмотря на то, что севастопольскому оргкомитету приходится всю работу начинать сызнова, потому что в наследство от севастопольской АПП (об этом сообщает т. М. Алетшулер) оргкомитет получил лишь каучуковый штамп. В письме из Ярославля товарищи жалуются на неполучение из центра необходимых указаний. В Ярославле также не знают, с чего начинать и как начинать. Есть кое-кто из писателей, есть литкружки, есть литературная продукция, но нет руководства и работы. Люди идут вперед, а тогда — ошибки, срывы, бесплодность. Сердобск — хранящий культурный центр Урала. Но и в Сердобске до последнего времени было не приехать представителя оргкомитета РСФСР) так же работали, больше создавали на собственное чутье. А работать приходилось при наличии элементов, решительно сопротивляющихся перестройке.

Можно было бы привести немало других фактов, говорящих о том, что местные литорганизации часто стоят не на твердых ногах, путаясь в лабиринте дорожек и предположений и часто поэтому сбиваясь с правильного пути. Но ограничимся пока одним из наиболее ярких.

В состав оргкомитета города Горький (б. Нижний) почти полностью вошло старое литературное руководство, обновленное лишь одним человеком, председателем оргкомитета, редактором местной краевой газеты т. Горюновым. Заседания оргкомитета, — пишет товарищ Д. А., — происходят в кабинете. Какие обсуждаются вопросы и какие выносятся решения? — все это сохраняется в тайне. Широкому кругу местных писателей и литкружковцев лично неизвестно. Даже «Нижегородская коммуна» до сих пор ни слова не сказала о работе оргкомитета. Нечего и говорить о собраниях актива или о какой бы то ни было творческой и идейно-воспитательной работе с писателями и литкружковцами.

Места требуют внимания центра — внимания еще более пристального, чем оно было до сих пор. Места требуют предметного руководства центра, конкретной помощи в решении творческих и организационных вопросов на местах. Руководство еще более предметного, чем оно было до сих пор. Помощь еще более конкретной и тщательной, чем она была до сих пор. Совершенно очевидно, что задачи большевиков творческой перестройки литорганизаций предполагают такую помощь местам, которая одновременно исходила бы и от оргкомитета, и от профсоюзов, и от партийных, советских и общественных организаций. Также совершенно очевидно, что взаимодействие и предельная активизация всей этой помощи — дело оргкомитета.

ВЛ. СТ.

Одолели. Вышло. Днепр побежал...

Кичкас

Начальнику Днепровского строительства т. ВИНТЕР
Секретарю райпаоткома т. ЛЕЙБЕНЗОН
Председателю райкома союза строителей т. БРОВКО

К сожалению, не могу исполнить Вашу просьбу насчет приезда на пуск Днепростроя в виду невозможности отлучиться из Москвы по условиям работы.

Горячий привет и поздравления рабочему коллективу и руководящему составу Днепростроя в связи с успешным завершением великого исторического строительства.

Крепко жму руку ударникам Днепростроя, славным героям социалистического строительства.

И. СТАЛИН

М. Горький

ПОБЕДИМ стихию природы и стихию прошлого

С глубоким уважением, с восторгом приветствую создателей Днепростроя. Горячо поздравляю пролетариат, хозяина Советов Советов, с новым победой. Да жива идея Днепростроя — мысли, восхищения и воли пролетариата, усмехаясь, утешали друг друга: «Ничего не выйдет у большевиков, не одолеть им силы Днепра». Одолели. Вышло. Днепр побежден и отныне будет покорно служить делу развития социалистической культуры. В чем смысл этой победы, кроме ее промышленного значения для нашей страны? Огромное количество энергии быстро текущей реки бесполезно уходило в море, где и без того соды много. Разумно руководимый труд людей организовал эту энергию и заставил ее плодотворно служить делу обогащения земли нашей. Вместе с этим пролетариат Союза советов доказал себе, что нет такого препятствия, которое он не может преодолеть, нет цели, которую он не в состоянии достичь. Чем дальше, тем все более трудные задачи устроения хозяйства ставит пред собою та часть рабочих и крестьян, которая организована в партию большевиков, вовлекает в себя разум 160-миллионной массы населения Союза Советов и ведет ее от победы к победе. Вот — будущей весной соединятся каналом Белое море с Балтийским. Уже начаты работы соединения Волги с Москва-рекой, Москва-река станет судоходной, сольется, через Оку, снова с Волгой, а дальше станется задать отказать морям как можно меньше пресных вод, употребляя их на орошение засушливых местностей. Начинается работа по орошению заволжских степей, для того, чтобы дать стране новые миллионы гектаров земли под пшеницу. Начато изучение водного баланса Советского моря, в делах орошения Армении, Грузии, Аме[illegible]жана.

Я считаю лишним напоминать о планах электрификации Сибири энергией Алтаря и лишним напоминать о таких грандиозных стройках, как Магнитогорск и подобные ему. Разум организованного пролетариата изменяет географию Союза Советов, изменяет лицо своей страны.

В буржуазных государствах Европы и в САСШ капиталисты, наоборот, видят на миллионы безработных работников, быт их, когда они просят работы и хлеба. Ни одно из капиталистических государств не в силах начать у себя чего подобного тому, что делает пролетарий, хозяин Союза Советов, для обогащения своей земли, для укрепления своей власти и развития влияния своего на весь мир трудящихся. Бессмысленная страсть собственников к наживе становится все более явно безумной. Разоряя свой трудовой народ, заставляя его надрываться от голода, капиталисты занимаются сознанием планов, как лучше ограбить Китай, как подавить национально-революционное движение в Индии и других колониях, как ограбить народы Южной Америки. Вместе с этим они живут в стране, как бы не передраться друг с другом. Подрались им и хочется, и — боязно, ибо они привыкли драться руками пролетариата, силами рабочих и крестьян. Но и те, и другие начинают понимать, что уже нет смысла драться за интересы своих врагов, за идеи, которые равнодушно смотрят, как рабочий умирает с голода и как он, все более энергично принимается к работе пролетариат Советов, начинает понимать разрушительную силу единого фронта пролетариев в борьбе против капиталистов. Нет надобности говорить о том, что «Те» из Советов глубоко ненавистны капиталистам и что они очень хотят тоже договориться до создания единого фронта против пролетариата семи советских социалистических республик. Уже не верится, чтобы они могли договориться о единодушном разбойничьем набеге на страну, где строится новый мир.

Но — все может быть, или еще сгнил. Враг силен человеческой глупостью, которую он вскармливает в своем лоне. В Союзе Советов этой глупости обезоружена беспощадная война. Глупость — это такая же стихийная сила, какою была и сила Днепра. Разумно руководимый труд людей превратил ее в разумную, могучую и плодотворную силу. Социалистически организованный разум людей побеждает стихию и победит ее, какова бы ни была ее сила. У нас за 15 лет накопилось достаточно доказательств несокрушимой, победоносной творческой силы разума. Сегодня мы празднуем одну из его побед, и она — начало множества их.

Разум, лучший, наиболее энергичный и активный разум трудового народа Союза Советов, вошедшего в партию большевиков. На этом правильно задуманной победы мы еще раз убеждаемся, что партия большевиков — единственное и мощное организующее начало, что у трудового народа Союза Советов — хорошая, светлая голова.

Да здравствует рабочий и крестьянин социалист! Да здравствует партия большевиков и ее вождь! Вперед, товарищи, к новым победам над стихиями природы и над стихией прошлого!

В Оргкомитете

Оргкомитет заслушал сообщение т. Гронского о целях и задачах второго всесоюзного с'езда советских писателей. С'езд решено созвать в мае 1933 г. Пленум организационного комитета ВССП созывается 29 октября.

* * *

На последнем заседании президиума оргкомитета союза советских писателей РСФСР об обсуждении доклад Мих. Алексеева о перестройке литературных организаций Средней Азии.

После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля в Средней Азии и в республиках Средней Азии были созданы оргкомитеты союза советских писателей.

Первый пленум оргкомитетов республик Средней Азии 18—21 сентября прошел под лозунгом подъема роли и ответственности литературы Средней Азии. Издается несколько журналов на национальных и один журнал «Советская литература народов Средней Азии» на русском языке.

Что тормозит перестройку литературной жизни республик Средней Азии?

В отдельных литературных организациях Узбекистана и других национальных Средней Азии имеет место голое администрирование и бюрократизм руководства.

Слабо осуществляется работа с начинающими авторами — недостаточна помощь в литературной учебе.

— Чужды нам элементы передко проявляемые влияние в литературе национальностей и медленный рост национальных — говорил в своем выступлении т. Лахути.

Тов. Лахути рассказывает об одном из таких работников культурного фронта в Узбекистане — Бектыше, который под маской комсомольской общественности выдавал себя для проверки и поместить в нем и заявлений о том, что он был контрреволюционером и находился в лагерях белогвардейцев.

— Для нас не переводят образцы советской литературы, на которых мы хотели бы учиться. Поэтому сильны влияния литературы западных стран, литературы классовых чуждой. Надо создать кадры квалифицированных переводчиков на местах для перевода лучших произведений советских писателей. Надо издать ряд книг на национальных языках и помочь [illegible]

Т. Бубнов в своем выступлении подчеркивает, что оргкомитет Средней Азии [illegible] для творческого [illegible] для писателей. Недостаток [illegible] творческой [illegible] своих [illegible]

А. Б.

На последнем пленуме оргкомитета СССР будет заслушан отчетный доклад о работе Среднеазиатского оргкомитета. Президиум оргкомитета решил направить несколько таких работников для ознакомления на месте с работой оргкомитетов национальных Средней Азии.

Оргкомитет приступил к созданию своих творческих [illegible] для [illegible] писателей.

В апреле [illegible] будет открыт дом отдыха писателей «Долгая Поляна» близ Тайшей на Волге. Председатель оргкомитета [illegible] Пильняком. [illegible] дом отдыха [illegible] в большую роль своих [illegible]

А. Б.

Вступление

к поэме „Товарищ Маркс"

С. Кирсанов

Как выхватить
из жизни —
жизнь,
из пошлости,
из нищей? —
Еще теплую,
что держись,
отрывную жизнищу.

Как выразить
те этапы,
те сверстки,
ту мебель —
года,
в которых
я не жил,
нет,
в которых не был?

Как должен я
поколдовать
строкой,
в былое в'ехав? —
как будто в мире
мало детств,
чтоб стать
моложе вас!

С утра,
ища громаду гу —
я в поезд строчек
впрягся,
Я жду
у всех инстанций,
в зал:
выпишу,
войду,
добьюсь —
увижу Маркса!

Кто пропуск дает?
Кто надорвет?
Кто впустит
без отсрочки?
Дежурь
у Третьяков серт,
у ГПУ,
у Стасовых,
Дежурь,
хотя б
в ночь и дождь!
Иди,
у Кремля, серп!
Но помни:
Маркса не найдешь —
в картинных
галереях.

Не он
повернул над столом
на ж
во сферы
высится,
кто скульптором
об'известился,
кто связан
живописцем...

Как выходить
за гипсы —
жизнь
во всех
ее дымовьях,
чтоб посмотреть
на коммунизм
его старшой механик?

Как отодрать
навек холста,
чтоб
клей годов
отдрыгнуть? —
чтоб вытянуть
из-за полотна
огромных лет —
товарищ!

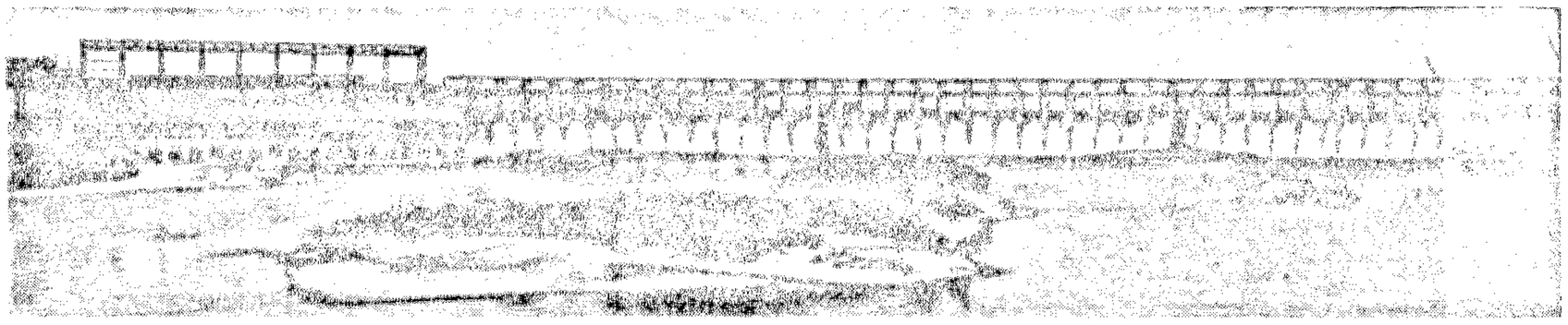
Телеграмма из Кичкаса

Лоцманская начинается в торжественному моменту пуска. На правом берегу у плотины выстроились сейчас же от гидростанции в сторону острова Хортицы на широком береговой площадке колыхаются пестренькие трибуны. Среди боевых орнаментов ударников трибуны выступают мельканные бетонные колонны фонарных, окруженные молодыми темнозелеными. У полосатой нейтральной правительственной трибуны [illegible] краем пестрая выписано слово Днепрострой и несколько дальше на двух симметрично расположенных газонах, как на приподнятых щитах, цветут знаменательные даты:

«18 МАРТА ДЕНЬ НАЧАЛА ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПЕРВОГО СЕКТОРА СТРОИТЕЛЬСТВА В 1932 ГОД И ОКТЯБРЬ — ДЕНЬ ПУСКА ГИДРОПРОТОЙ ГИДРОСТАНЦИИ, ВЕЛИЧАЙШЕЙ В МИРЕ».

Отсюда на нас белые трехэтажные цилиндры сорока восьми водоводов [illegible] и высоко на левом берегу за дамбой в пыльном облаком социалистический город. И если в голубой пыльце, через темный рукав Днепра, как три сказочных радуги, стройно и легко вычерчивается железно-дорожный мост, перекинутый на остров Хортицу. За гидростанцией, прислонившись к гранитной скале берега, стоит [illegible] и задымленный бетонный [illegible] стройки — бетонный завод. Вверх от прибрежья к пятиэтажному корпусу управления четырьмя крупными террасами поднимаются временные деревянные лестницы, по которым завтра пройдет участники торжественного кусового митинга. Колоссальный зал, мраморные и гипсовые выкрашены в белый и фиолетовый цвет. Он дрожит горячим металлическим гудением генераторов и трансформаторов. Шесть огромных генераторов [illegible] светлые [illegible] протянулись по залу. Могучая [illegible] окно, длиной в шесть метров, [illegible] на прозрачных [illegible] вод, вливающих необъятные [illegible] та. За длинной перегородкой [illegible] мерного зала и [illegible] трех агрегатов. В зале [illegible] и [illegible] Не пыльно [illegible] пыльные [illegible] горят [illegible] сигнальные лампочки. Отсюда [illegible] можно пустить и остановить [illegible] трический ток по любой из линий [illegible] Нет строительством [illegible] зеленовато-синий от [illegible] стекания ширы, как морская [illegible]

ВЛАДИМИР ГРЕБЛАНСКИЙ.



Товарищи —
Строители чудес,
С победой вас
Н—с богатырским
сыном
Жар-птицей
сказочною Днепрогэс
Метнул огни
В простоты Украины...

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Расцвет буржуазии начался с применения пара, который утвердил ее господство.

Пролетариат начинает с электричества.

Раскрытие философского темпа, заключенного в электричестве, — задача, успешно решаемая пролетариатом.

Днепрогэс — это и есть точка пересечения тех философско-материальных путей, которыми идет пролетариат.

Л. ЛЕОНОВ.

Синяя [illegible] — это преображение [illegible].

У меня [illegible] — счастливая судьба: [illegible] при начале этого преображения. Но мою дело, в частности, выпало быть несколько лет назад при пуске Волховстроя и сегодня — при пуске величайшего мирового сооружения — Днепростроя.

Через четверть века мы расскажем об этом следующему поколению, как о героическом эпосе, который был рожден социализмом и который давал в свою очередь социализму дальнейшее движение, как о эпосе, который питал неисторимыми соками его наше творчество. И если из наших книг уцелеет для будущего хотя бы одна книга, эта книга будет обязана своей судьбе Днепростроям нашей эпохи.

ВЛ. ЛИДИН.

Южные поезда почему-то больше приходят мимо Александровска в сумерках. Днепрострой лежит вне видимости — в 12 км. от этой станции. Всех едущих тянется кидает к окну, глаза их опирают хмурую падь, в которой отсвечивает вечерняя вода (несомненно, вытекания оттуда). Лежит бирюзовую дрожь на горизонте, — эта огни комбината, за ними начинается сказочное место. И еще раз взгляд шестерит не разберет, когда вступает, как в снега, в сосновые Сивашские сосны, и люди, не знающие местной географии, пытаются ухватить глазами Перекоп; и хотя Перекоп на 10 км. западнее и упрет далее и ярким утренним туманцем, поезд [illegible] часа идет в воздухе легенды.

Я это говорю к тому, что есть вещи на нашей советской земле, к которым даже мы, соучастники создания этих вещей, не можем привыкнуть [illegible] щенного биения сердца. И не только потому, что они [illegible] и [illegible], а потому, что мы [illegible] и [illegible] дальше этих вещей — то [illegible] за мелки за пальцы не [illegible] пет: задуманное [illegible] будет [illegible] как осуществлен Днепрострой.

АЛ. БАЛАБАНОВ

О новых рассказах И. БАБЕЛЯ

Принято думать, что если писатель ничего не печатает, то тогда он начинает писать по-новому. Если писатель не печатается больше года — многие это прекращается в уверенность.

Бабель не печатался пять лет. И пишет сейчас так же и то же, как пять лет назад.

Здесь было бы уместно напомнить читателю о событиях, совершившихся в эти годы, о пути, который прошла за эта годы страна. Но читатель все это знает, читателю нельзя об этом напоминать.

Знает все это и Бабель.

Он ходит по новым улицам новых городов. Новые заводы стоят вдали. В новых домах живут новые люди и новые салы отделяют заводы от городов. Возникают новые отношения между людьми. Возникает новое отношение людей к работе. Люди делают машины, а машины перестраивают людей. Возникают контуры первой в мире социалистической страны. А Бабель пишет о том, о чем писал пять лет назад. Пишет с необычно силой наблюдательности и силой, с доведенной до предела стилистической остротой. Но пишет он о том же.

О грязном и пестром одном предместьи, о разбитых теплушках, о безудержной удали партизанских бесп.

Пишет отточенными скупыми словами, лаконичнее и проще, чем писал прежде. Проще—той простотой завершенного мастерства, какой владеет полнейше.

Сам он в одном из последних своих рассказов говорит об этой своей манере так:

«Страна рождается на свет дорогою в душной в одно и то же время. Тайна зарождается в полдороге, сама опущенной. Рычаг должен лежать в руке и обтираться, повернуть его надо один раз, а не два».

В новых рассказах Бабель на миниатюрнее не выпускает из рук рычага. Он безошибочно поворачивает его. И никогда не поворачивает дважды. Слово всегда найдено, фраза законченна и лаконична. Ни исправить, ни сократить ничего нельзя.

И становится ясно, что все эти годы писатель творчески совершенствовался.

Страна шла вперед. Писатель, не поспевая за ней, сурово и торопливо о ней писали. А Бабель сидел за своими словесными тайнами. Язык менялся в них и отшлифовался. Он становился густым и прозрачным. Застывал, он был непочтим.

Выходя из своей писательской лаборатории, Бабель, вероятно, думал то же о слонах и о тайнах.

Новые темы его обтекали.

Темы жили не в тайнах. Они лежали на пути, они прохаживались за окнами.

И когда Бабель вышел, закончил, чтобы сообщить людям, что некоторое найдено, они не могли оценить победу писателя над языком, которым он обладал теперь в совершенстве, как свою победу.

Его умение разверзнуть тему так, чтобы тема приобрела чувствую отчетливость очертаний и глубину, является умением, ложно направленным. Ибо темы, с какими имеет теперь Бабель, были не те, которыми жили эти годы страна. Рассказы его не о днях, отстроивших новые города и заводы. И даже не о селах, выросших среди этих заводов и городов.

Предпосылок для дальнейшего пути писателя в этих рассказах нет. Потому что, живя в новой стране, Бабель еще не нашел в ней своей темы. А время в энергии, нужные для того, чтобы найти ее и понять, он бросает разработке приемов на материале, уже не нужном новой стране, на теме, он чужой.

Можно было бы представить мое заключение так:

Бабель — писатель высоко отточенный—подобно сложному оптическому прибору реагирует только на один род возбуждений. Творческая работа начинает совершаться в нем только тогда, когда он приходит в соприкосновение с определенными видами явлений. Больше того, явления, близкие нужными, у него трансформируются, приобретают свойства доселе им не присущие. Вещи повернуты к нему лишь одной своей стороной. Люди видны ему не лица, а те, которых он выдает, воспринимаются им только в определенной части их проявлений.

Но эта тонкая восприимчивость к Бабелю. Она чрезвычайна лишь в применении к художникам средних эпох. Эта классовая обреченность возможна лишь в периоды застоя. Эпохи же революций, революций, сдвигов сопровождаются сдвигами в человеческой психике, новыми и огромными.

Бабель пишет в революцию готовыми писателями.

Начинается было оно немного, но мировоззрение складывалось. Менялся и метод. Два небольших рассказа были результатом большой работы.

Шкловский в статье о Бабеле пишет, что рассказы его клинчаты и лаконичны.

Первый рассказ был о еврее, но изменен приемом мышления, в том, как еврей этот, спасаясь от погрома, потерял у проститутки и как она возвращала.

Второй рассказ был о девочке, но умением лежать обоих.

И тот и другой рассказы были рассказами Мопассана и импрессионистами Бабеля.

Отсутствие тематической устремленности компенсировалось в них виртуозной законченностью сюжета.

Рассказы были не о теме. Сумеречная вера русской предреволюционной литературы сказалась в них полностью. Рассказы были импрессионны.

Но это время прошло все изменилось. Революция грубо сжала Бабеля и потащила по темам. Темы были его и подбрасывали, темы оставляли на нем следы и кровоподтеки. Было совсем как в детстве. Темы грубо прижимали к земле, в лицо, произносили их, мучали и посвящали. Сходство было кажное, люди были одинаково свободны и героичны. Были внутренняя, глубинная ложность, но Бабель ее не умел. Его внимание было приковано к расшоту между ним и этими людьми.

Говоря здесь о Бабеле, мы имеем в виду его героя — лишь немного трансформированного в каждом его рассказе—его.

Он «скандалил за большевиков стихом — этот герой и кажется ни лошадь», он не умел убить человека, чтобы прекратить его страдания.

Он не мог не умеет. И то и другое. И одесские краснорубашечники, и люди, рядом, бок о бок с Бабелем, делавшие революцию. И темы, захватившие Бабеля в первые годы революции, была тема человека с умерщвлением физиологии и подчинения интеллекта, ведущего ряд полуживых физиологическим и примитивных психологии людей. Конфликт между человеком слова и человеком дела. Торжество дела над словом.

Тема эта была выдумана. Темы этой в революции не было. Слово не было в ней отдалено от дела. Но Бабель не воспринял ее слова, ее мысли, ее чувства. И в людях, с которыми он в революции столкнулся, в людях, умевших сидеть на лошади и воевать, эти их свойства мешали от чувства внутреннее их существо.

У Бабеля появилась тема времени на плечи. Она пронизала его произведение, сделала восприимчивым, вложила ему в руки перо. В рассказах Бабеля появились люди со стальными мышцами, с нервами, «обтянутыми на скулах, закованных в кожу и бесконечно бесфоры». Бабель не устал восхищаться ими, не устал ставить их в исключительные, «бесчеловечные», лежащие и исторические, выдающиеся на людей».

Все рассказы его были пронизаны неистовым, исчезнувшим самоуничижением. С какой-то творческим бешенством рисовал он фигуры исторических его времени, вызывающих восхищение в запись людей. С каким-то пафосом обреченности утверждал неизбежность своего героя в революции.

«Галина,—сказал я, пораженный мыслью о единственном, — я болен, мне, видно, конец пришел, Галина, я и умеющий жить в нашей Конармии.

— Вы сволочи,—ответила Галина, и часы на тонкой его кисти показали час ночи,—вы сволочи, и вам суждено гореть вас, сволочи...

— Вся партия хлещет в переулках, захлебнулась кровью и кажется, мы чистим для нас ядро и скорлупы; пройдет немного времени, вы увидите очередное это ядро, вы выжмете тогда пальцы из носу и поймете новую жизнь необыкновенной прозой, в коем силуэте тихо, сжатый, и не сбудете нам над руку».

Рассказ, из которого взят этот отрывок, написан в 1920 году.

Прошло десять лет.

И в рассказе «Дрозды», написанном в 1930 году, Бабель снова возвращается к этой теме. Опять тщедушный человек в очках среди крепких, темноволосых, на все готовых людей.

Этот рассказ отличен от первого. Он не так протест он строже, сдержанней, острее. Но в только. Ощущение ключевости, непримиримости, одиночества — встречному мироощущение его героя. Герой не умеет сидеть на лошади, в его ненависть его дружбы окружающих его людей. Каждую ночь ему снится, будто едет он по дороге и никто не обращает на него внимания. Потому что он сидит как вяло.

«Зависть волков и счастья не утолялась тайну, от этого сидеть мне сны».

В конце рассказа кратко сообщается: «Пришли месяцы. Сны мой исполнялся. Казаки пересекли дрозовую границу мои и мою лошадь».

Характерно, что в теперь, через десять лет после того, как написаны были слова о «новой жизни» и «необыкновенной прозе» тема рассказа Бабеля не умение, не отличное умением, а неумение. Писатель с другим, чем у Бабеля, мироощущением, но этого же материала сделал бы рассказ о том, как человек научился сидеть на лошади.

Бабель пишет о том, как он сидить на ней не умел.

И так во всем, что касается действий, поступков, дел, Бабель пишет о неумелом.

И только в одной области он чувствует себя мастером, только в одной области он умеет. В одной арене он опущает себя полностью — «в арене слов, в арене, в которой дрожуется все розы оружия». Он знает, что никакое железо не может войти в человеческое сердце так медленно, как точка, поставленная по-точным *.

И он умеет по-время вставить точку.

Но откуда это ощущение пропасти между армией слов и армией дел, превратившее, которая делает неприкаянным героем Бабеля? Откуда ощущение слабости у героев мастера слова, в совершенстве владеющего своим мастерством? Откуда склонность к рассказам о неумении у писателя, живущего в стране, все напряжение, вся воля которой в сосредоточенном, всепреклонном желании уметь?

Или мастер слова не может чувствовать себя ратоборцем в этой стране, которая стремится стать страной мастеров? Или медлительность и сложность творческого процесса, создающие отставание писателя от класса, тянущегося вперед, лишают его работу наступности и значимости в поступательном движении класса?

Нужно сознаться, эти соображения иногда возникали в речах некоторых властительных ревнителей «меча». Но несть речи эти не мешали Бабелю все эти годы напряженно работать над отличием своим мастерством.

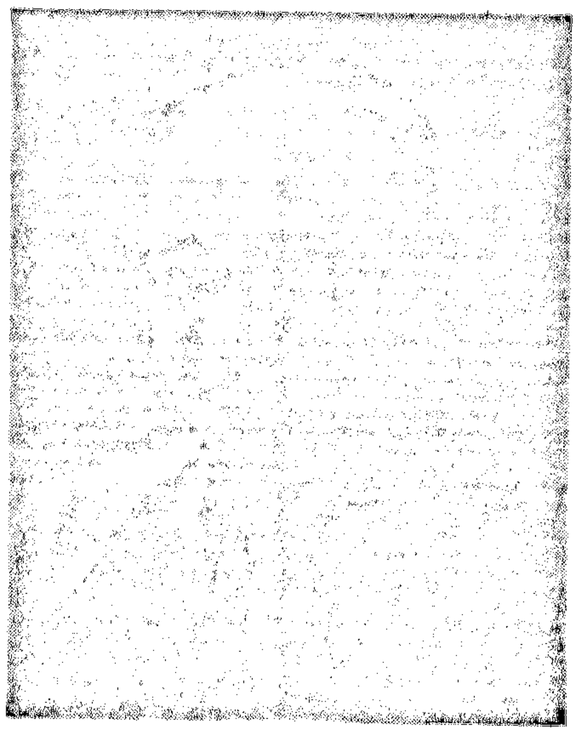
Почему же, однако же, он снова вернулся к старым своим героям, к старой теме, к мироощущению, которое для Бабеля — человека — несомненно стало уже вчерашним?

Потому, что художник в нем отстает от человека. Потому, что, потратив все эти годы на завоевание армии слов, на овладение секретами их сочетаний, он отстал от страны от ее людей, от ее завоеваний и нужен срок для того, чтобы он снов увидеться за ней. Писателям типа Бабеля нелегко дается новая тема. Путь от осознания явлений, от выработки отношения к ним до художественного их воплощения — длинен и трудно. Осознать явление — еще не значит для них оценить его творчески, определить свое к нему отношение — не значит установить на него угол зрения художников.

До сих пор Бабель был художником неумения, разрушения, тления, бунта.

«...Бунт вымещающий в древнем теле бури своего воображения», с перехваченным от волнения горлом, и все же тщательно подбирая слова, он писал о казаках, грабящих костелы, о гибели хасидизма, о еврейских теплушках, о неприкаянном, бесномотном человеке и отках и стенки на нуже».

* И Бабель. «Гаи-де-Мопассан».



И. Бабель

Но сейчас, когда встали тысячами, когда никто никого не грабит, когда пороги хохот платформы, пружинные умом и рулой, а человек в очках работает где-нибудь секретарем сельсовета — нужно писать о другом. Иначе писатель рискует потерять с читателем общий язык. Боги и явления, которые писатель воспринимает эстетически, читатель воспринимает иначе. Связь разлетается. Голос будет доходить, как через толстое стекло. Слов будет не слышно, а жесты станут непонятны. Может быть, даже смешны.

К тому материалу, с каким Бабель будет иметь дело теперь, нельзя подходить с ощущением вещей, какое было у него прежде. Нельзя привносить в него чуждую ему тему. Нельзя пестреть одеяний прежних героев будет выглядеть лиш на плечах последних лет. И контраст этот будет неэстетичен.

Есть среди новых рассказов Бабеля один, в котором писатель пролагал этот опыт переделывания. Рассказ этот, как сообщается в подзаголовке, — первая глава из книги «Великая Кринница». Называется рассказ «Гапа Гужва». Героиня рассказа переделала Любка Козак из «Одесских рассказов». Только зовут ее теперь иначе. Она — вдова, у нее — взрослые дочери и живет она в селе Великая Кринница. Но и Великая Кринница собственно не село, а все та же одесская окраина, да и люди, живущие в ней, не крестьяне, а персонажи «Одесских рассказов» писателя Бабеля.

В рассказе играют свадьбы, пьянствуют, говорят о коллективизации. Люди в рассказе живые, но в теме коллективизации они чужеродны. И не в том даже дело, что не похожи они на крестьян. Может быть, фламандские эти очертания свойственны на Украине не только жителям городского предместья. Чужеродность этих людей не этнографическая, а хронологическая. Все они, в их разговорах, жестами, человечей спецификой, выхвачены из голодных, суматошных партизанских годов и насильственно пересажены на чужую, несвойственную им почву коллективизирующейся деревни. Тут возникает порок тематический. Коллективизация становится условностью в этом грязном, буйном, пьяном селе. И, может быть, против воли самого автора, люди, не проводящие, выглядят одинокими мечтателями или сказочными богатырями. Ибо кому же, как не мечтателям, прелет в голову говорить здесь о социализме, и кому, как не богатырям, удет под силу проводить его в жизнь.

И в результате рассказ, желанный в предельно реалистической манере, с живыми людьми, в реальной, казалось бы, обстановке, становится фантастическим, полусказочным. В результате все эти тщательно выписанные детали, все эти мастерски сделанные фигуры людей, великолепные диалоги и ситуации не раскрывают тему, а искажают ее.

Бабель любит контрасты и часто, помещая явления в несвойственную им обстановку, добивается предельной их выразительности — достаточно вспомнить его бежения в хвалу Александра Третьего («Дрозды»), или монолог Антонии, произнесенный хвалы еврейским мальчиком («В подвале»). Но эти контрасты умышленны, они в замысле вещи, они воспринимаются эстетически. Контраст же в рассказе о коллективизации из замысла выпадает, он оставляет впечатление несообразности, он не эстетичен.

Думать, что Бабель этого не знает, значит недооценивать его как художника.

По новые темы, как уже говорилось, не даются ему легко, поверхностность ему несвойственна, а вещи и люди нельзя лем покататься в арсенале его «армии слов», должны быть восприняты им органически.

Процесс этот совершается у писателя медленно?

Что же. Есть основания полагать, что результаты его будут значительны и полноценны. Темы строящегося социализма, органически воспринятые таким писателем, как Бабель, способны выгасти в произведения огромного значения.

Г. МУНБЛИТ

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

В ЗАЩИТУ РАССКАЗА И НОВЕЛЛЫ

Рассказы сейчас пишут редко. Так называемые «малые» формы в загоне. Бабель — исключение, делающее еще более заметным пробел в работе современных прозаиков. Нет нужды повторять, что иная краткая новелла стоит многотомного собрания сочинений.

Писателю наших дней прежде всего необходимо учиться у Горького. Это общее и искренное мнение. Социальный и художественный размах романов Горького исключительно глубок и разносторонен. «Жак Кристоф» Ромена Роллана и «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького — наиболее совершенные эпические полотна мировой литературы первых десятилетий XX века.

Но, высоко ценя и изучая романы Горького, мы не можем одновременно недооценивать его замечательных рассказов.

Глубина художественной выразительности и сила обобщающей мысли, заключенные в рассказах Горького, восприняты широчайшими читательскими массами. Тысячи фактов служат свидетельством их громадного социально-политического значения.

Дневники Л. Н. Толстого показывают, как тщательно, как заботливо он работал над своими рассказами.

Не называя других русских и иностранных классиков, достаточно напомнить, что все наиболее крупные писатели предреволюционной России — А. П. Чехов, Леонид Андреев, Бунин, Куприн и др — много и усердно работали в области «малых» форм.

*

Объяснение, что моя эпоха настолько монументальна, что требует только эпических полотен, по меньшей мере банально.

Пренебрежение рассказом — вина не только писателя. Пожалуй, в большей степени писатели поссорили с «малыми» формами редакции.

Рассказ не пользуется в редакциях уважением. Редактора плохо знакомы с культурой рассказа. Часто о рассказе культурнее судит с точки зрения чего в нем нет. Толстые журналы печатают рассказы «между прочим», «на затычку». Тонкие журналы предпочитают маленькие, поверхностные, но «актуальные» очерки. В общем процветает уравниловка. Для длинного романа и для короткого рассказа существуют одинаковые полистные ставки.

*

Единственный журнал, серьезно работающий с рассказом и художественным очерком, — «30 дней». Он является переходной ступенью от иллюстрированного еженедельника к толстому журналу.

Трудно назвать крупного современного писателя, который в нем не печатался бы. За последние месяцы журнал сумел собрать на своих страницах рассказы и очерки И. Бабеля, Ю. Олеши, А. Неверова-Пешкова, А. Малышкина, А. Зорича, Л. Никулина, К. Тренева, Е. Габриловича, С. Нариньяни и др. Из крупных произведений в журнале печатались только романы И. Ильфа и Е. Петрова. «30 дней» имеется себе, чтобы вести в советскую литературу жанр сатирического романа.

Журнал ведет обзоры зарубежной жизни, комментируя характерные факты, почерпнутые из буржуазной и белогвардейской печати. Обзоры ведутся по совету А. М. Горького. Больше того, Горький непосредственно помог журналу. «...Если редколлегия не против моего вмешательства в ее работу, я готов оказать ей выражение, которое приемлемой» (из письма Горького «30 дням», опубликованного в «Литературе» 10 августа 1931 г.). И несколько десятков таких обзоров выпускает, если материалы комментирует классифицированный писатель. Недурно! (Для умалишенных!) В полезной работе можно привлечь таких мастеров советского фельетона, как М. Кольцов, М. Зощенко и те же Ильф и Петров.

Не общее пренебрежение к «малым» формам отражается и на «30 дням». Отсутствие хороших рассказов заставляет редакцию публиковать обрывки из крупных вещей, теряющие уже известную свою остроту.

*

Критика не замечает «малых» форм. Читатель опережает критику. Он чутко и пристрастно отмечает. Недавно «Известия» из секретных записок попутчика Зайцева Ю. Олеши вызвали оживленные отклики рабочих-читателей «30 дней».

В очерках «Машина идет в Севастополь» А. Зорич сумел в художественной форме поставить вопрос огромной политической важности.

Зорич ведет грузовик в Севастополь. Читатель путешествует вместе с автором. Дорога местами отвратительна. Машина застревает в лужах. Льет дождь. Читатель пренебрежительно сопутствует в дорогу в мирительствам. Вымокнув и замерзнув, автор не прощает острым голосом: «Нет грузовик, вперед! Нет, коммуна — остановка!» — он с помощью незадачливых водителей вытаскивает машину из грязи. Зорич описывает шоссе между Керчью и Васильковым. Десятиметровая ширина, клумбы по сторонам, геометрическая прямизна! Читатель подозревает преувеличение, — автор убеждает в существовании шоссе, тогда автор утверждает существование такого шоссе через несколько лет.

С. Нариньяни работал в Магнитогорске с первых дней строительства. «Записки о людях и событиях» закончены. Но как непосредственно, свежо, просто, талантливо показывает Нариньяни напряженный труд на кладке домен и кауперов!

*

Сегодня несколько литературных клеветников пытается кричать о снижении творческой активности писателей. В пьесе Горького «Егор Булычев и другие» замечательно показан вредный Прокопий. Кликуша и проиратель, на самом деле он хитрый жулик. Прокопий желает «заработать» и проектирует во вред окружающим.

Сейчас появляется ряд крупных литературных произведений. Их хвалят за действительные литературные качества, а не вследствие дружбы петуха и кукушки.

Но внимание критики почти всецело отдано произведениям большим по объему.

Бумажные лимиты ограничивают распространение книг и журналов. Но лимиты на общественное внимание для «малых» форм повествовательного жанра и в частности для журналов, не прогрессирующих, следует увеличить.

Л. ОВАЛОВ

ХУДОЖНИКИ — 15-Я ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Привет художник на Ист

А. ФАДЕЕВ

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

Старое и новое

„Союзник или враг"

И ГДЕ У НАС ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ *

Известно, что одним из важнейших вопросов партии является вопрос борьбы на два фронта — против левацких перегибов и против правого оппортунизма, причем на данном этапе и в политическом ближайшем развитии правая опасность является главной опасностью.

Если какая-либо районная или областная организация партии в своей работе по линии, скажем колхозов допускает левацкие искажения линии партии, естественно в центре внимания данной организации станет вопрос об исправлении этих левацких искажений, разъяснение сущности этих левацких ошибок для всей организации, для рабочего класса, для колхозных масс. Значит ли это, однако, что данная организация «имеет право» прекратить борьбу с проявлениями правого оппортунизма, с кулацкой агитацией в колхозах, с обнаружившимся «самотеком» и т. д.? Нет, ибо лозунг партии есть лозунг борьбы на два фронта, ибо правый и «левый» уклоны питают друг друга и приводят в конечном счете к одним результатам, ибо борьба с одним уклоном не должна питать другой и должна вестись за правильную генеральную линию партии.

Известно, что РАПП, делая для перестройки этапа правильную в основном и время направлению в исторически сложившуюся литературно-политическую линию, допустила в своей работе ошибки более или менее серьезные как почти так и иного характера. Доказано однако, что в последнее время много существования именно в силу того коренного противоречия, с которым РАПП эти противоречия — ведущая для того вопрос остановиться.

Это вынуждает нас остановиться на этом подробней.

Сейчас всеобщее распространение получает мнение, что в применении к значению так называемой «попутнической» литературы сугубо левацкой являлась постановка вопроса: «союзник или враг». Между тем, формула эта выпущена из контекста статей и резолюций, в которых она употреблялась, вне для исторических условий не возникновения, не только сама не «левая», либо и не правый оппортунизм, а другая. Чтобы установить, прежде всего в правильном образом под углом своих левацких ошибок, — ошибок, свидетельствующих об известном необразнем «пролетпультизме» на первом этапе. Нет, следовательно, ничего удивительного и неправильного в том, что в центре внимания критики сейчас стоит ошибка РАПП, характеризуемые как проявления «левацкого культреформаторства». Это правильно еще и потому, что ошибки этого рода со стороны РАПП сопровождались ошибками в этом же направлении со стороны остальных, или, в деятельности библиографического института, или в статьях т. Покера-Зубовского, Медведева, что создавало в целом значительное левацкие искажения линии партии в литературе. За все это, разумеется, тоже отвечает РАПП. Иные из бывших рапповцев до сих пор не понимают ответственности в за эти ошибки, ибо подходят с точки зрения субъективных намерений рапповцев, а не объективных политических результатов. «Ведь мы же боровись с левацкими ошибками этих товарищей!» — говорит иные из бывших рапповцев. Да, это верно. Но сжечь ты отвечаешь за движение поезда и не замечаешь, что свой паровоз уже сошел с рельс, а только видишь, что задние вагоны летят далеко под откос и пытаешься от них отсоединиться («отмежеваться» от этих вагонов, называемых по-современному) и на этом основании будешь обвинять в крушении поезда не вагоны, а не себя, — никто из серьезных людей не поверит тебе. Правильно, следовательно, что за левацкие ошибки прошлого, главным образом, обвиняют РАПП — ведущую для того борьбы организацию.

Это вынуждает нас остановиться на этом подробней.

Сейчас всеобщее распространение получает мнение, что в применении к значению так называемой «попутнической» литературы сугубо левацкой являлась постановка вопроса: «союзник или враг». Между тем, формула эта выпущена из контекста статей и резолюций, в которых она употреблялась, вне для исторических условий не возникновения, не только сама не «левая», либо и не правый оппортунизм, а другая. Чтобы установить, прежде всего в правильном образом под углом своих левацких ошибок, — ошибок, свидетельствующих об известном необразнем «пролетпультизме» на первом этапе. Нет, следовательно, ничего удивительного и неправильного в том, что в центре внимания критики сейчас стоит ошибка РАПП, характеризуемые как проявления «левацкого культреформаторства». Это правильно еще и потому, что ошибки этого рода со стороны РАПП сопровождались ошибками в этом же направлении со стороны остальных, или, в деятельности библиографического института, или в статьях т. Покера-Зубовского, Медведева, что создавало в целом значительное левацкие искажения линии партии в литературе. За все это, разумеется, тоже отвечает РАПП. Иные из бывших рапповцев до сих пор не понимают ответственности в за эти ошибки, ибо подходят с точки зрения субъективных намерений рапповцев, а не объективных политических результатов. «Ведь мы же боровись с левацкими ошибками этих товарищей!» — говорит иные из бывших рапповцев. Да, это верно. Но сжечь ты отвечаешь за движение поезда и не замечаешь, что свой паровоз уже сошел с рельс, а только видишь, что задние вагоны летят далеко под откос и пытаешься от них отсоединиться («отмежеваться» от этих вагонов, называемых по-современному) и на этом основании будешь обвинять в крушении поезда не вагоны, а не себя, — никто из серьезных людей не поверит тебе. Правильно, следовательно, что за левацкие ошибки прошлого, главным образом, обвиняют РАПП — ведущую для того борьбы организацию.

Каковы эти высказывания?

1. «Итти сегодня по пути с революцией — значит быть за политику ликвидации кулачества, как класса, за жесточайшую борьбу с предателями, за удары по всяческим формам проявления мелкобуржуазной стихии. Итти сегодня по пути с революцией — значит принимать не частные и основные, значит не надеяться на то, что она свернет на буржуазно-демократические рельсы, но дружно за диктатуру пролетариата. Итти сегодня с революцией, — иначе говоря, значит быть уверенным в «возможности» построения социализма в нашей стране. К тем, кто так идет с революцией, подходит ли название попутчик, — разве это не союзник? К тем, кто так не идет с революцией, подходит ли название «попутчик», — разве это не противник, не враг, не литература классового врага?»

Это из статьи т. Авербаха о Троцкому, о Маяковскому, о «попутничестве» (см. книгу «Из рапповского дневника», стр. 169), статьи, направленной против вольных попыток Троцкого обвинить в смерти Маяковского страну социализма. В этой статье т. Авербах разбирает трудности на правильном пути неустойчивости Маяковского, трудности, которых он, Маяковский, не выдержал до конца, но которые преодолимы для основных кадров для большинства попутничества. «Выход из противоречий попутничество должно искать в трудной работе коммунистического воспитания и органическом восприятии пролетарской идеологии». — пишет Авербах. — «Попутническое писательство найдет тогда выход только в борьбе с советами Троцкого. Попутнические писатели должны в сознании Троцкого к Маяковскому сделать вывод: Маяковский не сумел перестроиться до конца, а мы — нам трудно, но мы сумеем, Маяковский сорвался с высоких лесов строительства, а мы — нам трудно, но мы выдержим» (подчеркнуто мной — А. Ф.).

Так обстоит дело со вторым высказыванием.

2. «С агентами буржуазии и кулачества в литературе или с пролетарской литературой? — Так стоит вопрос перед каждым сегодняшним попутчиком».

Это из резолюции 4-го пленума РАПП по докладу т. Селивановского. Это место в резолюции сопровождается лозунгом коммунистами.

«Наличие сознательной литературы не означает немедленного отторжения «попутничества», но среди известной части прежнего попутничества не нужны еще классовые, но для различных групп попутчиков выдвинуты темы перестройки и глубина понимания ее сущности, что рядом писателей их поворот к стороне рабочего класса только декларативно и общественных выступлениях, но творчески еще не реализован. Превращение писателя-попутчика в писателя-союзника означает процесс идейного перевооружения, овладения мировоззрением диалектического материализма, осознания и критики социально-политического смысла своего прежнего творческого пути, перехода на идеологические позиции пролетариата... Такое понимание диалектической перестройки — шаги также революции — решительно выдвигает всем попутчикам подменить перестройку «пролетарской», т. е. взять идеи пролетариата «вообще», вместо того, чтобы их органически воспринять, переключиться на внешне необязательную тематику без понимания подлинной социальной актуальности творчества и т. д. Механическое понимание перестройки попутничества объективно смыкается с настроениями объективизма, приспособленчеством и «красной» контрой... Лишая решительной и беспощадной критики мелкобуржуазных шатаний и вместе с тем дружеской помощи в подлинной перестройке на пути обвинения с пролетариатом — такая должна быть линия пролетарского литературного движения по отношению к писателям, еще остающимся на сегодняшний день попутчиками...

В пункте 7-м резолюции предлагает усилить борьбу с правооппортунистическими извращениями в вопросах попутничества и «одновременно решительно осудить «левацкие» перегибы, частью в признании критической работы и выражающиеся в администрировании, бюрократическом окрике, безответственном невнимании к писателям, лишении пролетариату, пожелавшим писателям союзника или попутчика, совершившегося в процессе своей органической перестройки ту или иную ошибку, как или сбоку крена и т. д.».

Так обстоит дело со вторым высказыванием.

3. «Союзник или враг» — вот основная постановка вопроса, которую мы имеем сейчас. Это принципиально верная, политически правильная постановка вопроса, т. е. сейчас мы можем говорить только о таком писателе, который действительно принимает реконструктивный период, конечные цели пролетариата. Но нужно понимать, однако, что союзничество в литературе реализуется в литературном творчестве. Это есть, следовательно, некоторый идейный он времени процесс».

Это из речи т. Лунина «Больше самокритики» в февраля 1931 г. («На литературном посту» № 14, стр. 21).

Таковы те действительные высказывания по вопросу «союзник или враг», которые имели место в прошлой деятельности РАПП.

Не трудно видеть, что, если бы дело шло только о высказываниях, в них еще не заложено «левацкого». Даже в первом жестокого обострения классовой борьбы, в период острого сопротивления кулачества, в период полной утраты иллюзии мы коммунисты, не должны бы ли поставить перед колеблющимися писателями вопрос — с кем они? Разве хоть одно из этих высказываний не учитывает в то же время что процесс перестройки интеллигенции не есть мгновенный процесс, а есть некоторый период во времени? И глубокий и трудный по существу процесс? Разве обвинение «левацкой» такой постановки вопроса в такой форме и в таком историческом контексте не предполагает странной возможности для попутничества всю жизнь оставаться на каких-то «третьих позициях»? Разве эти высказывания в то же время обязательно предполагают левацкие перегибы по отношению к тому или иному отстающему в перестройке конкретному попутчику? Разве эти высказывания, наконец, были выданы самим рапповцам, а не шли в прямом соответствии с лозунгами партии в данных областях?

Обратимся например, к докладу т. Яковлева на VI с'езде советов.

«Это значит, что перед тем бедняками и середняками, которые еще колеблются, которые еще не вступили в колхозы, ход колхозного развития ставит ужесточенный вопрос — с кем они: с кулаком или колхозом? Кулак ведет еще борьбу против колхозов. Мы его ликвидируем как класс в наиболее части районов, в других районах он еще имеет сильный удар. Но, конечно, это не означает, что элементы кулачества еще не остались в одних районах, что кулаки не сохранились, как серьезная сила в других районах. Между кулак ведет еще жесточайшую борьбу против колхозов... Поэтому в каждом селе перед бедняком или середняком единоличником стоит тот же вопрос: с кем итти, кого поддерживать — кулака или колхоз? Можно ли тут оставаться в стороне: «Я-де ни с теми, ни с другими»? Нельзя, ибо спор между кулаком и колхозом решается ежечасно, решается по линии огромного количества практических вопросов, и по каждому такому вопросу надо решать с кем итти, с кулаком или колхозом. Вот почему, товарищи, бедняку стоит больше о бедняках и середняках-единоличниках. Вот почему мы не можем признать союзником рабочего класса такого бедняка и середняка-единоличника, который помогает кулаку бороться против колхозов». (Подчеркнуто мной — А. Ф.).

Обратимся к резолюции VI с'езда советов по докладу т. Яковлева:

«Бедняк и середняк-единоличник, который помогает кулаку бороться против колхозов и подрывать колхозное строительство, не может быть союзником и тем более второй рабочего класса, — он на деле союзник кулака. Лишь тот бедняк и середняк-единоличник продолжает оставаться союзником рабочего класса, кто вместе с рабочим классом помогает строить колхозы, кто поддерживает колхозное движение, кто помогает вести решительную борьбу с кулаком. Для того, чтобы стать действительно и прочной опорой советской власти, перед бедняком и середняком-единоличником один путь — путь помощи колхозам, а потом и вступления в колхозы». (Подчеркнуто мной — А. Ф.).

Обратимся к докладу Куйбышева на собрании инженерно-технических работников Ленинграда, созванному после процесса вредителей. Доклад этот т. Куйбышев оканчивает: «Кто не с нами, тот против нас».

Можно ли усложнять постановку вопроса о крестьянах-единоличниках, поставить вопрос о технической интеллигенции т. Куйбышевым заявить «лозунгом»? Ясно, что нельзя. Разве без таких четких лозунгов и высказываний могла партия вести массы на штурм кулаков, разоблачать вредителей, расчленять интеллигенцию? Разве такая постановка вопроса мешала борьбе с левацкими перегибами по отношению к колеблющемуся единоличнику, по отношению к технической интеллигенции?

Отсюда следует, что та принципиальная постановка вопроса, которая давалась рапповцами о попутничестве, не может быть названа «левацкой». Эта принципиальная постановка вопроса о попутничестве была правильной. Не рапповцы поставили перед попутчиками эту дилемму, ее поставила наша жизнь, история. Это были не замыслы РАПП не приказы для выделения, не рецепт для критических оценок, произведений, а формулировки, указывающие писателям-попутчикам на необходимость выбирать: за или против социалистического строительства.

Но деятельность всякой организации проверяется не по замыслам, а по делам и фактам. Есть огромная принципиальная разница в том, как партия на практике осуществляла свои правильные лозунги и как РАПП на практике осуществляла свои.

Известно, что партия, борясь с правым оппортунизмом как главной опасностью, неуклонно исправляла и исправляет все, кем бы они ни допускались, левацкие перегибы по отношению к колхозному движению, к [illegible] единоличникам. Известно, что партия сделала все необходимые выводы и из опыта технической интеллигенции, выдвинула руководящими условиями экономического наступления [illegible] и т. д. Сделает даже установка и в отношении для всех работников [illegible]. Между тем, РАПП в [illegible] перестройке руководит не РАПП в числе [illegible] интеллигенции, и сделал брать за основу именно [illegible] и на [illegible] последнего времени, то выйдет, что «попутчик» у рабочего класса и литературы [illegible] слишком маленький, а «[illegible]» [illegible] дела [illegible] правильные [illegible] выдвигания в «формулы», удобные для всех левацких.

Эта конкретная левацкая практика могла погубить все дело, ибо согласно такой «практике» выходило, что [illegible] выдвигаются не для всех, чтобы [illegible] как можно лучше и как можно больше [illegible] советских писателей [illegible] на [illegible] пути их перестройки [illegible] были и есть все объективные предпосылки), а для того, чтобы как можно большее число советских писателей объявить классовыми врагами и тем показать свою революционность. Нарисуем же такой практики было тот фактический «пролетарский» [illegible] отсебостью которого «мотивировка» стала РАПП.

Окончание в следующем номере.

РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ПОДВИГ

Борис Лапин и его товарищи — молодые писатели, пришли в литературу, не получали помощи, в которой сам так нуждались. В лучшем случае молодые писатели встречали любопытство, а они жали советов, оценки критики. Критика же, лишенная в любопытстве, даже не регистрировала книги молодых и тем более не замечала, что многие из этих книг несут новое, что они полны интересных полезных, талантливых исканий — и не только исканий, но и утверждений.

И сейчас еще эти товарищи ходят в «учениках», за ними еще не вполне признано право создавать литературу. А между тем они со уже фактически создают.

Первая книга Лапина — «Повесть о стране Памир». Здесь этнографические записи, к которым «для сюжета» и для «цельности» добавлено знакомство по отроческих литературных впечатлений автора приключенцев за плану у «мушкетов». Лапин показал себя в этой книжке талантливым очеркистом, наблюдательным этнографом, но очень слабым «политиком».

Появившаяся вслед за «Повестью» книга «Тихоокеанский дневник» значительно выше по идейному замыслу. В ней дано реальное представление о борющихся в мире социальных группах, интересный и сравнительно глубокий показ представителей одной из этих групп — нам враждебной — класса собственников.

Наконец, следующие книжки Лапина — образцы его работы по осмысливанию противоречий между миром собственников и миром социализма — СССР.

Однако процесс идейного вооружения писателя идет медленно. И научившись видеть правильно вещи, формулировка Лапина, он их видит, однако, не глубоко. В произведениях Лапина начинает мешаться бление пульса многообразной советской жизни, его голос затихает, когда он говорит о процессах классовой борьбы. Но все же изучение идейное выражение вещей Лапина слабое. Глаз Лапина еще недостаточно зорок, чтобы познавать революцию в ее будничных проявлениях. ему не удается написать полнокровного образа строителя социализма на советской окраине, на очеты тех народов (памиры, чукотцы), где он черпает материалы для своего творчества.

Эти противоречия роста писателя, естественно, определяют и его литературные, творческие приемы. Начав с описательного очерка, искусственно соединенного с приключенческой ситуацией, Лапин затем увлекается «фотографией», голым фактом, отождествляя его с «жизненной правдой». В результате органически свойственная писателю публицистичность, как часть его мастерства, становится фальшивым приемом. Лапин не принес еще к глубокой разработке темы. Он, в частности, избегает показа социального целого через индивидуальные судьбы, не разрабатывает характеров, не дает общего в особом.

Все это значительно затрудняет интересные поиски Лапиным оригинальной художественной формы: полуочерка, полурассказа в своеобразном кинообрамлении. Зрительная кинохроника, литературный сценарий — эти элементы так и просятся в последними вещами Лапина. Наконец, мы применяется прием «смещения действия», доведенный до логического конца в «Подвиге».

♥

«Подвиг» — новая повесть Лапина, вся еще дышит.

В ней всего пять печатных листов. Стремление быть максимально кратким характерно для Лапина, вполне увязано с его творческой манерой. Но эта маленькая повесть — уже произведение зрелого мастера. В ней почти окончательно преодолены прежние противоречия и получили большое звучание творческие знаки молодого писателя. Новая повесть, связанная со всем предыдущим творческим путем Лапина, вместе с тем является шагом в новый мир.

♥

Подвиг, героизм. Каково их проявление в буржуазном обществе?

Буржуазия строила свое владычество на звериной борьбе и жесточайшей конкуренции. В этой борьбе ей нужны были сильные люди, безжалостные, лишенные, хищные завоеватели.

Культ сильной личности сопровождал историческое восхождение буржуазии. Он был исторически оправдан до того дня пока буржуазия была прогрессивной силой. Геройство питалось этой силой буржуазный молодой человек видел цель, к которой он должен стремиться, идеи всего класса, за которые он должен бороться.

Но вот день пришел... Но всем этим трещит небоскреб капитализма. Все ближе час гибели. И никакого выхода. Никакой перспективы. Нет пути спасения. Как же быть с героизмом, во имя чего совершать подвиги?

Если верить буржуазной прессе и литературе, то количество буржуазных героев не только не уменьшилось, но, наоборот, даже увеличилось. «Буржуазные молодые человеки XX столетия» так и гуляют по свету. Фашизм снова насаждает культ сильной личности, военщина бряцает оружием — чем не герои? Попытайтесь отказать, и вам приведут десятки примеров храбрости, героической жертвенности, романтических порывов.

Особенно специализировалась на героизм Японии. Кто не слышал про знаменитый «дух самураев»? Тысячелетняя культура... Особый путь... — повторяют на все лады руководители страны — вожди армии, герои Порт-Артура и Цинцзя. Десятки романтических историй.

«Мы японцы, этим все сказано», объясняют происхождение подвига Аратоки и других подлеги автора по морскому путешествию в Японию.

«В этой стране герои возникали, как в царской России чудотворные иконы», отмечает Лапин.

♥

Перед нами летчик-истребитель — теперь «военно-воздушный эксперт женевской конференции по разоружению» — Аратоки Шокан, «образцовый представитель современной Японии». Кто подвиг не знает равных: он служил в Корее в японском флоте; полет в плен к «бандитам», он дал сигнал своим воздушным собратьям в «бандитский» стан, где он находился, весь запас бомб. Сам он необыкновенным образом спасся.

Прежде чем познакомить читателя с подвигом Аратоки — внешностью героя, писатель показывает ему результат, раскрывает смысл его — сущность.

Результат «подвига» таковы: С одной стороны это — всевозможные «фанфары» патриотический потоп, пышные речи, сенных упоминания, аплодисменты армии.

С другой — заработала охранка, арестовывая всех усомнившихся в героизме Аратоки. Забеспокоился корейский капиталист. Сеул запрещает несколько дней выход отказывается в выполнении полицейскому в том, чтобы вернуть на службу нелегально уволенного летчика. Вернуться на отпуска на завод рабочий Цой — ему некуда ехать в отпуск — герою Аратоки обязано разрушение его родины Кореи. Повысилась котировка публичной девки Гинко, которую брал сам Аратоки «Вся Япония была наводнена».

Нетрудно заметить, что повесть начинается с конца.

Разрывающий формальный канон сознательный прием Лапина, который был уже применен в «Набеге на Гарм». Схема: результат — действие — причина. В «Набеге» этот прием не был до конца оправдан, имел налет шпукарства и, главным образом, закрывал брешь поверхностности в разработке темы. Совсем не то теперь. Схема повести подчинена ее идейному заданию: срыву романтической маски с туного, звериного рыла империализма. Публицистический конец повести или был бы уже бесполезен, или «подправлял» бы недоделанное. Не вполне доказанное. Перенесенный в начало, он служит идейным фундаментом и одновременно «крышей», над которым и под которую возводится стройное здание повести.

Прием «смещения действия» дает возможность Лапину сильно экономить слова и краски. Несколько раз крупным планом лишь на миг показывает он ритуру, но благодаря оригинальному построению произведения она запоминается, живет, действует. Так дан кореец Сен, капитан-охранник Момосе и особенно рабочий Цой. Мы уже отметили, что он появился в результативном начале повести: он снова мелькает в центральных главах, на заводе и, наконец, в конце, когда мы узнаем, что он убежал с завода на ипотранный пароход. Мы не видим его лица не слышим его голоса, но все же мы знаем его, «нейтрального» рабочего, логикой событий влущего к революции. Мы не слышим его голоса, но каждый его поворот знаменует собой какие-то большие сдвиги в событиях, пронесшихся в повести: рабочий Цой, о котором всего сказано сто строк — один из центральных образов «Подвига».

*

Но познакомимся с Аратоки. Глава «Начало». Он только что выпущенный из академии офицер, снаряженный заботливой матерью в дорогу. В вязаной фуфайке, с черным чехольчиком на часу, заинтересованным от холода, заразного воздуха портов и грязного воздуха «туземцев».

Обыкновенный, средний человек, ничем не выдающийся. Мы находим тому десятки подтверждений. Он умеет быть внешне солидным, степенным, у него спокойная походка и низкие ноты в голосе. Но вот он узнает о том, что командующий воздушными силами сейчас уедет и он будет лишен возможности потом говорить товарищам: «Мне командующий сказал». Тотчас же — солидность по боку и Аратоки «прыгает» бежит в штаб. Там он два часа будет ждать приема и затем «есть глазами начальство». Однако в разговоре с хозяином гостиницы, соседом по столу, корейцем-коммивояжером Аратоки всячески кичится свое превосходство и пренебрежение к «низшей расе». Впрочем, это не мешает ему напроситься на знакомство к корейцу Сену, потому что он богат. Он даже в общем с легким сердцем снесет то, что сему отказано с этим знакомством, так же как уклонится от столкновения с оскорбительным «по американскими моряками. И лишь в публичном доме, с проституткой — он дешевится героем, хозяином.

Так шаг за шагом Лапин обнажает Аратоки, издевается над этой «гордостью нации», показывает ничтожество этого «героя». И вот уже перед нами знакомый армейский твердолобый прапорщик, ничем не отличающийся от персонажей кунгенского «Поединка».

Аратоки занят лишь одним: как бы лучше, выгоднее устроиться, сделать карьеру. Сюда направлены все его помыслы, этим критерием он проверяет каждый свой шаг.

Способен ли такой человек на подвиг? Мы уже знаем, что нет. В конце книги, после всех злоключений, это еще раз подтверждается. Там, в 19 главе «Прои хождение» (в привычно построенной повести она была бы шестой) мы узнаем «философию» героя:

«Он заметил, что в нем мало похожего на людей, о которых говорится в школьных поучениях. Да, я благоразумный человек, я обыкновенный человек, и все люди такие, они только лгут или скрывают это».

Аратоки прав. Это его утверждение звучит приговором не только ему, но и целому классу персонажей повести, представляющих ту же систему, что и он.

Вот командующий воздушными силами генерал Накаяма. Это — Аратоки на вершине славы, «знаменитый герой взятия Цинцзао, снизивший свой истребитель с непривычной крепости». Его манера разговаривать «тысячу раз описана репортерами». Тоже самый «обыкновенный благоразумный человек».

Но Накаяма, как и Аратоки, — достойный представитель армии. Офицеры не хорошо знают, что корейцы — низшая раса, что крестьяне в [illegible] «грязная сволочь», малейшую попытку которой к неповиновению нужно пресекать — такова классовая понятия правды. Ну, а дальше? Дальше они еще знают, что Америка — это враг и нужно быть готовым к борьбе с ней. Что на востоке есть еще враг — «некое иностранное государство», так непохожее на все остальные.

Товарищи Аратоки знают также, что их основная практическая задача сегодня: «усмирить» Корею, за счет ее разрешить проблему перенаселения Японии и что главный враг сейчас «мохноногий» мужичонка, который не хочет, чтобы его «осваивали».

Но вот мы вмагничиваемся в их быт, в своих перед нами знакомые гнусы из Куприна. Ни одной мысли, никаких стремлений кроме одного: выслужиться, выйти в люди. Ради этого они готовы на все.

Есть ли место здесь героизму? Где же смысл жертвы? Ради чего? Ведь героическая смерть — не путь к карьере. И офицеры в беседе с Аратоки циничны заявляют, что надо лишь «уверить народ, что мы хотим жертвовать собой».

Узнав все это, читатель уже не верит в подвиг Аратоки, он знает, что подвиг чужд тому классу, который этот «герой» представляет: читатель верит Лапину что это миф.

И здесь писатель дает уже самую «фактуру подвига», окончательно уничтожающую Аратоки в его социальную среду.

Лапин не отказывает «подвигу» Аратоки в романтических обстоятельствах. Наоборот, он подчеркивает их. Такой фон помогает писателю еще ярче, жестче разоблачить Аратоки: тем убедительнее выступает из-за легенды яко, рассказанным простыми словами картина падения «самурая».

Аратоки попадает в плен к повстанцам. Случайность — неисправность тросов — и самолет падает на землю. Меньше всего Аратоки думает о подвиге: он заботится только, как бы спастись. Он еще не трусит, потому что надеется на спасение. Он не [illegible] к тем, чтобы вернуть на службу нелегально уволенного летчика. Вернуться на отпуска на завод рабочий Цой — ему некуда ехать в отпуск — герою Аратоки обязано разрушение его родины Кореи. Повысилась котировка публичной девки Гинко, которую брал сам Аратоки «Вся Япония была наводнена».

Нетрудно заметить, что повесть начинается с конца.

Разрывающий формальный канон сознательный прием Лапина, который был уже применен в «Набеге на Гарм». Схема: результат — действие — причина. В «Набеге» этот прием не был до конца оправдан, имел налет шпукарства и, главным образом, закрывал брешь поверхностности в разработке темы. Совсем не то теперь. Схема повести подчинена ее идейному заданию: срыву романтической маски с туного, звериного рыла империализма. Публицистический конец повести или был бы уже бесполезен, или «подправлял» бы недоделанное. Не вполне доказанное. Перенесенный в начало, он служит идейным фундаментом и одновременно «крышей», над которым и под которую возводится стройное здание повести.

Прием «смещения действия» дает возможность Лапину сильно экономить слова и краски. Несколько раз крупным планом лишь на миг показывает он ритуру, но благодаря оригинальному построению произведения она запоминается, живет, действует. Так дан кореец Сен, капитан-охранник Момосе и особенно рабочий Цой. Мы уже отметили, что он появился в результативном начале повести: он снова мелькает в центральных главах, на заводе и, наконец, в конце, когда мы узнаем, что он убежал с завода на ипотранный пароход. Мы не видим его лица не слышим его голоса, но все же мы знаем его, «нейтрального» рабочего, логикой событий влущего к революции. Мы не слышим его голоса, но каждый его поворот знаменует собой какие-то большие сдвиги в событиях, пронесшихся в повести: рабочий Цой, о котором всего сказано сто строк — один из центральных образов «Подвига».

*

Но познакомимся с Аратоки. Глава «Начало». Он только что выпущенный из академии офицер, снаряженный заботливой матерью в дорогу. В вязаной фуфайке, с черным чехольчиком на часу, заинтересованным от холода, заразного воздуха портов и грязного воздуха «туземцев».

Обыкновенный, средний человек, ничем не выдающийся. Мы находим тому десятки подтверждений. Он умеет быть внешне солидным, степенным, у него спокойная походка и низкие ноты в голосе. Но вот он узнает о том, что командующий воздушными силами сейчас уедет и он будет лишен возможности потом говорить товарищам: «Мне командующий сказал». Тотчас же — солидность по боку и Аратоки «прыгает» бежит в штаб. Там он два часа будет ждать приема и затем «есть глазами начальство». Однако в разговоре с хозяином гостиницы, соседом по столу, корейцем-коммивояжером Аратоки всячески кичится свое превосходство и пренебрежение к «низшей расе». Впрочем, это не мешает ему напроситься на знакомство к корейцу Сену, потому что он богат. Он даже в общем с легким сердцем снесет то, что сему отказано с этим знакомством, так же как уклонится от столкновения с оскорбительным «по американскими моряками. И лишь в публичном доме, с проституткой — он дешевится героем, хозяином.

Так шаг за шагом Лапин обнажает Аратоки, издевается над этой «гордостью нации», показывает ничтожество этого «героя». И вот уже перед нами знакомый армейский твердолобый прапорщик, ничем не отличающийся от персонажей кунгенского «Поединка».

Аратоки занят лишь одним: как бы лучше, выгоднее устроиться, сделать карьеру. Сюда направлены все его помыслы, этим критерием он проверяет каждый свой шаг.

Способен ли такой человек на подвиг? Мы уже знаем, что нет. В конце книги, после всех злоключений, это еще раз подтверждается. Там, в 19 главе «Прои хождение» (в привычно построенной повести она была бы шестой) мы узнаем «философию» героя:

«Он заметил, что в нем мало похожего на людей, о которых говорится в школьных поучениях. Да, я благоразумный человек, я обыкновенный человек, и все люди такие, они только лгут или скрывают это».

Аратоки прав. Это его утверждение звучит приговором не только ему, но и целому классу персонажей повести, представляющих ту же систему, что и он.

Вот командующий воздушными силами генерал Накаяма. Это — Аратоки на вершине славы, «знаменитый герой взятия Цинцзао, снизивший свой истребитель с непривычной крепости». Его манера разговаривать «тысячу раз описана репортерами». Тоже самый «обыкновенный благоразумный человек».

Но Накаяма, как и Аратоки, — достойный представитель армии. Офицеры не хорошо знают, что корейцы — низшая раса, что крестьяне в [illegible] «грязная сволочь», малейшую попытку которой к неповиновению нужно пресекать — такова классовая понятия правды. Ну, а дальше? Дальше они еще знают, что Америка — это враг и нужно быть готовым к борьбе с ней. Что на востоке есть еще враг — «некое иностранное государство», так непохожее на все остальные.

Товарищи Аратоки знают также, что их основная практическая задача сегодня: «освоить» Корею, за счет ее разрешить проблему перенаселения Японии и что главный враг сейчас «мохноногий» мужичонка, который не хочет, чтобы его «осваивали».

Но вот мы вмагничиваемся в их быт, в своих перед нами знакомые гнусы из Куприна. Ни одной мысли, никаких стремлений кроме одного: выслужиться, выйти в люди. Ради этого они готовы на все.

Есть ли место здесь героизму? Где же смысл жертвы? Ради чего? Ведь героическая смерть — не путь к карьере. И офицеры в беседе с Аратоки цинично заявляют, что надо лишь «уверить народ, что мы хотим жертвовать собой».

Узнав все это, читатель уже не верит в подвиг Аратоки, он знает, что подвиг чужд тому классу, который этот «герой» представляет: читатель верит Лапину что это миф.

И здесь писатель дает уже самую «фактуру подвига», окончательно уничтожающую Аратоки в его социальную среду.

Лапин не отказывает «подвигу» Аратоки в романтических обстоятельствах. Наоборот, он подчеркивает их. Такой фон помогает писателю еще ярче, жестче разоблачить Аратоки: тем убедительнее выступает из-за легенды яко, рассказанным простыми словами картина падения «самурая».

Аратоки попадает в плен к повстанцам. Случайность — неисправность тросов — и самолет падает на землю. Меньше всего Аратоки думает о подвиге: он заботится только, как бы спастись. Он еще не трусит, потому что надеется на спасение. Он не [illegible] к тем, чтобы вернуть на службу нелегально уволенного летчика.

Происхождение ПОВЕСТИ

Народы не похожи друг на друга. Есть широконосые и белокурые, есть сухопарые, черные, быстрые в движениях. Есть народы с лишенными жира волосами, с вороньим носом, сплюснутыми черепами, с жестким выговором и неумеренной сексуальностью и счастью. Есть голубоглазые, лимфатические, хладнокровные. Есть люди, у которых все черты лица как будто расширены согнутым зеркалом. Их нельзя представить повернувшимися в профиль.

Несколько лет назад я плыл с Камчатки в Японии фрахтованным китайским пароходом «Хуашан». Команда была разноплеменна. В камбузе возились четыре повара, обслуживая четыре системы желудков — поражая капитан он сандвичи и бифштексы, китайские матросы варили себе постные щи из морской капусты, японцы или рис и курицу с соей. В «офицерской столовой» каждый, с кем мне приходилось встречаться наедине, считал своим долгом сообщить мне несколько суждений обо всех других обитателях этой посудины. И тогда в первый раз я встретился с темой, в котором написана повесть «Подвиг».

Эта поездка была для меня действительно путешествием в чужой мир. Я был ошушен. Здесь между первой и второй палубой сосуществовала рассовая и национальная война, о которой мы в Советском союзе забыли. Здесь были убеждены, что существующие на земле народы находятся между собой в отношениях, напоминающих пароходную тесноту в рамках. Вопрос только в том, кому из них (если представить себе землю, как пароход «Хуашан») быть в капитанской рубке, кому вести штурвал, кому чистить и кочегарить, кому прислуживать, кому прислуживать.

Несмотря на то, что мы читали иностранные книги сплошь за газетными сообщениями и хорошо ознакомились как будто о том что делается в буржуазных странах, — нам трудно себе представить, насколько могучи еще сны шарлатанской этнографии «арийской школы» и «азиатской школы», ложных взглядов, кодовых предрассудков, пущенных в обращение очень давно и пеленающихся в разных видах в самых «современных» словах. Человеку, приехавшему из страны, где социализм осуществляется силами полутораста национальностей, странно и страшно жить среди людей «офицерской столовой».

Я хотел в тот год написать роман, который расширил бы остатки предрассудков о «чужих» расах, живущих в мировой литературе. Я хотел написать о пароходе «Хуашан», о себе и о своих друзьях-чукчах, корейцах, эскимосах, с которыми я жил целый год перед тем. Однако с темой я не справился, Роман не удался. Я бросил его на первом печатном листе и написал книгу «Тихоокеанский дневник», полусчерк, полуповесть. Из того, что я писал о «Хуашане», я теперь вынесчил два или три абзаца в повесть о «Подвиге».

После я жил в Москве и Средней Азии. Снова на Дальний Восток я приехал только в феврале 1931 года. Эта была одна из решительных весен нашей революции; закреплялась коллективизация, строились гигантские заводы. Работой были заняты все народы нашей страны — одинаково возникали колхозы у таджиков и у корейцев Приморья. На Зарубежном Востоке причем о войнах, готовились войны. Газеты — английские, японские и китайские — доказывали, что «ух народов решает исход борьбы». Все книги, которые вышли в это время, говорили о различиях, а не о сходствах. Как раз во время и после советско-китайского конфликта в 1929 году на Западе был большой урожай на романы об экзотических странах о Дальнем Востоке, о Японии. Мы читали об маленьком упорном и жестоком народе, о самурайском духе пронизывающем его, о его душе. Сознание читателя было отравлено легендой о «неизвестной Азии», создавшейся еще во времена Лафкадио Хэрна. Мы читали о психологии, несовместимой с нашей, о героях, поступки которых непонятны нам, о самоубийствах во имя чести и т. д. Буржуазия создала легенду о своих героях. Она приписывала их подвиги национальному духу, особым расовым свойствам.

Как появляются в действительности герои буржуазных стран, как совершают они подвиги — об этом я написал повесть.

Я окончил ее недавно. Эта книга написана на базе стилистически последовательно, с запусканиями, с сдвигами в обычную прозу, но все-таки по большей части в той манере которой мне легче всего работать и которую я считаю для себя правильной. Она состоит из следующих элементов: 1. Врывание в психологию чужого народа через язык, через чужой словарь, синтаксис — отсюда особенности диалога в ряде глав. 2. Использование документальных записей. 3. Введение стихов. И в четвертых и в пятых — разные другие вещи, в которых я еще не для себя отчета и которые выступят ясно в следующей моей книге.

БОРИС ЛАПИН

Б. Лапин

Бор. Лапин

Приморская улица

Отрывок из повести „ПОДВИГ"

«Четыре с половиной тысячи миллиарда бомб и одного человека. Не много ли этой бы обрушил на себя господин капитан Аратоки и все-таки остался жив. Нам говорят, что Аратоки—образцовый представитель своего круга. Все, что мы знаем о нем — исключительно. Обстоятельства, при которых он выплыл на свет, подозрительны и чудесны. Так же как и его страна, он возник из неизвестности и просуществовал в течение нескольких лет.

Но сейчас герой повести еще неизвестен миру. Он пилот, корабль-разведчик. Он приехал в Корею. Он видит Сеул, он в штабе, он в маленьком портовом городке, где стоит его эскадрилья. Сегодня он едет на аэродром, где будет участвовать в большом оперативном полете. У него осталось около двух часов свободного времени, и он может и отдыхать. Он раздумывает разговором с корейцем миллионером Сеном. Зина ведет в порт. Аратоки напевает старомодные стихи на японо-английском диалекте мятеллитовым 30-х годов: «Нечего бы с ней в собор. — Листья бы дрожали над ней. — Это был одинокий Октябрь. — Ночью в тот миллионный мир»...

Аратоки вышел на приморскую улицу.

Корея! Чосон! Дурачье это — писки, которые изображают корейцев. Крепкий народ! Добрый народ! «Какое то странное помешательство — жалкая грусть об утраченном счастье». Болтуны! Счастья больше кричат эти сны. Послать бы их к такому Сену!

Он немного развеселился. А девушка-то я, кажется, напугался. Воспитана по японски, в Нагасаки.

Его шаги стали мощными. Отходили по сторонам. Начались незнакомые места. Одноэтажные, узкие и низкие улица Хи-ма. Глина и камыш. Рядом домик. Черепичная крыша с балконом. Что за улица? Показал вывеска кинематографов, кабаков и веселых заведений.

Вдалеке открылся переулок — был виден край залива и японский броненосный забор какого-то портового склада.

Прошли двое китайцев. Молодая и старуха. Крошечные туфельки. Черные шелковые рукава. Заплатки.

На балконе второго этажа два торговца пили вино из одной чашки, обнимались и пели.

— Теперь мы — твой глаз — мой глаз! Мы побратимы! Теперь у нас одна кровь.

И пьяным голосом бубнил другой:

— Оскорби тебя кто-нибудь! Я выдеру ему печень! Я—ты. Ты—я.

У заметной двери, покуривались опиумом, сидели обожженные люди. Их белые когда-то одежды приобрели мутно-коричневый оттенок. Бледные штаны состояли из чудовищных дыр, с которых свисали лохмотья.

Из двери пахло горелой опиумной золой. Зина были сны. Рот приоткрыт. Белые ленты свисали. Глаза закатились, как у мертвых. Щеки были в грязных прожилинках.

Два пьяных, неестественно обнявшись и лицами отворачиваясь в сторону тонкую лужу, с рычанием колошались на дороге. Оскалившийся от почти матовых, качаясь на ногах лежал возле целого пересуда, прибитого прямо к чужой стене дома. В этом мире ни кто ни в кем не заботился и никто не хотел ничего скрыть.

На-за спетьнихся клаутов бумажных стен маленького домика была слышна песня. Тонкий сильный женский голос. Молодая тянулась трем убогим потаям.

Ва! Чар! Тень! Сонце
С гор! Подъем ду! На!
Оглянусь! Вся! Де!
Толь! Ко ты! Одна!

Теперь Аратоки шел медленно, глядел по сторонам. Он искал что-то глазами. Смотрел под ноги. Видел сплошь опаленную шаг. Смотрел на женщин, глядевших из-за разбитых дверей. Скупая кривая, стук длинного жезла, бормотание, хлопанье шагов.

— Гей-гей! Тчаш!
— Ту ту! Феллоу
— Ляо-ли-гей!

Занимая всю улицу, из каких-то ворот показалась компания пьяненьких американских моряков. Все были, как на подбор гиганты, с длинными руками и ногами, узкими плоскими плечами. В белых мягких шапочках, шикарных костюмах, пестрых галстуках с жемчугом, одеты с французским кокетством.

Они сошлись. Это была предпоследняя ступень почтальонского кутежа. Они были накалены и ждали только повода для драки.

— Ляо, поди сюда!
— Мумочка, какой он коротышка.
— Поди сюда, мой мальчик! Тонтон!
— Обезьяна полы офицерский мундир.

Застрелить, как собак? Невозможно, их восемь. Затеять драку? Обычно корейцы. Потом придет полиция, потом еще полиция. Человек двадцать. Жандармы. Потом схватят этих, побьют до бесчувствия и увезут на американский корабль.

Как бы побежать истерит.

Стараясь показаться незаметно — проклятый маленький рост — Аратоки прошел между боками двух гигантов. Натуженно, выпячивая грудь. Плечи сделал четырехугольными.

Прошел мимо.

Они обернулись его, залили воздухом движения. Кричать вслед за ним — с ножом и мачтиком. Ты молодец, быть его сам гением по всем ты маленького поста... Все, как на подбор гиганты!.. Американский флот... Проклятая раса мясистые рыжие, обгоревшие на солнце. Как бы сделать, чтобы не выше моего подбородка, чтобы же и едва достигал нам до уха. Да и мы с Сен-Хионом, видимо, изменились... Ну, мы так и не изменились.

Что? Вы просите прекратить это гнусное мистификаторское, где сы не интересные письма? Вы в тысяча раз повторите, что этим летом в Алма-Ата не были и с нами не встречались. Вы говорите, что нас вел в заблуждение, вероятно, какой-нибудь проходимец, называющийся нашим именем?

Верно. Конечно неудачные шутки. Вы правы. Вы нашли подлинное слово—проходимец. Нам это было мало и раньше. Тот высокий мужчина, который в Алма-Ата уверяло о нашем выдает себя за генерального полка и продавал Сергея Спасского настоящая фамилия его, как над удалось узнать, — Семенков, и он имеет злосчастный билет Всероссийского драма)—несомненный проходимец. Мы это поняли при не той же встрече с ним. Гораздо хуже, что этого не понял в этому не поверил в Казахстане кто. Когда мы поняли очень отвратительным работникам Казахстана, что бывший сотрудник Металлова, устроившийся секретарем центрального обкома Казахстана, благодаря тому лишь, что выдал себя за писателя Сергея Спасского, — доходчивее, чем кто-то не поверили «Поиск Фелиции». Вот и книга у него. Сотни и книга на его книги в центральной прессе. Он читает отрывки из этих книг на литературных собраниях. Он занимается, когда его ругают за них. И вы говорите, что он не Сергей Спасский. Кому дано слушать, когда его ругают за чужие произведения. Нет, вы ошибаетесь.

...А Борис Кушнер, тот Борис Кушнер, которого совершенно случайно в этом же году в том же самом Алма-Ата выдавали Дм. Сонов, — разве не проходимец? Ведь по сведениям о самых [illegible], что ценный известный писатель не жарил свои на сковородке мостостроительства «почти в [illegible]» горот Алма-Ата. Надо же было ему выдавать Борису Кушнеру известность в Кзыл-Орде и в Кзыл-Ординском [illegible] Ведь его там знают в «Правде» очерки о Кубани. А Кушнер № 2, видимо, этого номера они не видел, и на вопрос Сонова — «знаю ли вы о Кубани?» — ответил [illegible] и никогда на Кубани не были и, кажется, все сведения о Кубанщине. В результате чистого в чтобы проходимцы выдали из Гонарарма (не то за [illegible] в [illegible] получить высокие материальные блага под видом своего известного имени. Ну, а не встретьте с ним Сонова, не загнали на с ним в Кубань — и еще одна проходимец стал бы жить припеваючи в прекрасной казахской столице, наживаться гонорарно доверчивых алма-атинцев.

А разве не проходимец тот, с появлением которого, «известен», которого [illegible] с [illegible] общим всех отдыхающих на доме отдыха «Известия» в Малеевке за отвратительное хулиганство. Автор выдающегося к сыну издательства «Земля и Фабрика» романа [illegible], заключенный в свое время на разные [illegible] за [illegible] [illegible] [illegible]

[Из литературного прошлого]

ПИСЬМО Валерия Брюсова

Несколько слов о себе

Мои стихи «Тридцатой весны», помещенные в № 49 «Новой жизни» (4 декабря), вызвали поток протестующих обвинений, так сказать, в измене убеждениям. Бывший Брюсов, с юных лет мой кумир, прежде восхвалял войну, а стал сотрудником «Новой жизни», начал писать против войны. Так как при чтении не достаточно моих стихов, я мог возбудить подозрения, я считаю себя вправе отметить несколько слов.

Во-первых, почему: «стал сотрудником», почему «начал писать такие стихи, делался сотрудником»? Не естественнее ли предположить, что «Новая жизнь» встретила в лице Брюсова, что «начал писать» мне эти стихи, не спрашивая, нравятся ли они мне, не спросив, не противоречат ли они моим взглядам? Во-вторых, я вовсе не «вдруг» изменил своим прежним убеждениям, но даже «сделал от прежних», потому, конечно, что мне, у меня, изменил, или, вернее, мне не дано прежнего осуждения. Я — не политик, не «вождь», не «лидер», не «знаю, куда иду». Я — только поэт, и мне дано лишь то, что мне дано, — не больше. Я — только поэт, и мне дано лишь то, что мне дано, — не больше. Я — только поэт, и мне дано лишь то, что мне дано, — не больше.